

Бёрнер Вася

Гидроквас

Бёрнер Вася Гидроквас

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70510738

SelfPub; 2024

Аннотация

Все знают, что оружием баловаться нельзя, и я тоже знал. Но на Зубе Дракона ничего другого не было, как говорится в старинном анекдоте: – «Если бы он не был мальчиком, ему не с чем было бы играть». Такое времяпрепровождение меня не радовало, поэтому я, на всякий случай, ещё раз проверил, чтобы нигде не завалялся боевой патрон и решил воспользоваться пулемётом в развлекательных целях. Не пытайтесь повторить мой поступок дома, любое баловство с оружием, это, как минимум, плохая примета. А как максимум – кого-то могут понести вперёд ногами.

Бёрнер Вася Гидроквас

Михаил Николаевич Гнилоквас на фотографии без головного убора.

Началась данная история с обычной темы сапёров «Вернись, я всё прощупал». В один из июльских солнечных Панджшерских дней к нам незаметно подкралась пора получать

горячий хавчик и хряпать заслуженный на чиждолой службе обед. В предвкушении чревоугодия я подался сквозь скалы поста Зуб Дракона на «кухню». По прибытии в конечную точку маршрута, неожиданно для себя обнаружил весьма необычную картину. На верхушке огромного булыгана сидел на попе Миша Мампель, он поджал к своей груди колени, обхватил их руками и бился в крупном ознобе. Осенняя лихорадка не должна была начаться по определению, и я, как химик инфекционисту, захотел сказать Мише, чтобы он прекратил притворяться и взялся за исполнение своих обязанностей насчёт выдать жратву.

Однако причина озноба была вызвана не плазмодиями и не притворством. Она нарочито блестела краем выставленной на показ железяки, немного прикопанной под камнем. В полуметре от скалы Мампеля катались по песку Миша Гнилоквас и Петя Слюсарчук. Они ржали, как два сивых мерина, заглянувших по обкурке в зоопарк, чтобы приколоться, как размножаются ёжики.

Железяка, напугавшая Мампеля, привлекла моё внимание, я присел рядом с ней на корточки, присмотрелся. Штуковина напоминала пустую консервную банку от паштета, в центре которой какой-то остряк-самоучка вставил кнопочку, похожую на стерженёк от израсходованной батарейки. Если учесть тот факт, что Гнилоквас служил старшим стрелком на бронетранспортёре, то можно было додуматься – израсходованных батареек у него развелось, как Донов Пэдро в Брази-

лии. А может быть даже как диких обезьян.

– Полный триндец, пацаны! Я же тут каждый день ходил! – Бормотал дрожащим голосом Мампель.

– А-а-а-ха-ха-ха! – Пуще прежнего заржал Петя Слюсарчук. – Чаво сидишь, яурэй! Разминирувай!

– Хочешь, чтобы я подорвался? – Миша побледнел лицом и ещё сильнее прижал к груди свои ноги. – Ищи дурака за четыре сольдо!

– Давай, давай! Не сцы! – Миша Гнилоквас стёр со своего лица страдальческую слезинку. На щеке осталась полоса размазанной грязи.

– Чё тут у вас за кино? Поделитесь с рабочими. – Культурно спросил я и протянул руки к железяке.

– Касьян, иди нахрен. Не порти нам спектаклю! – Слюсарчук тоже стер со своего лица капельку жидкости. Тоже оставил коричневую полосу.

– Димыч, отвали! Пусть Мампель разминирует. – Гнилоквас всё ещё улыбался, но понял, что сеанс смехотерапии подошел к завершению.

– Я не полезу! – Мампель крепко-накрепко вцепился в свои ноги. – Я что, дурак?

– Ты не дурак. – Сказал я и начал осторожно подкапывать песок рядом с железякой. – А я – дурак. Потому что такой противопехотной мины не знаю. На сапёрной подготовке консервных банок нам не показывали.

Пока я это говорил, мой палец легко и непринуждённо

провалился под край «мины» сквозь разрыхлённый кем-то песок. «Мина» оказалась внутри совсем пустая, взрываться там было нечему, я смело выпрямил палец, встал на ноги и протянул руку Мампелю. На пальце у меня болталась пустая консервная банка со стержнем от старой батарейки посередине.

– Держи, Миша, свою мину. Дальше справишься сам.

– Блин, пацаны! Ну вы и папуасы! – Мампель обиделся и отпустил свои ноги. Они грустно свесились с камня.

– Касьян, ну нахрена ты так? – Слюсарчук размазал вторую каплю жидкости по своему лицу.

– Я еды хочу, а вы своими дурацкими шуточками загнали повара на скалу.

– Димыч, ты парашник что ли? Просили же – не трогай! Не нажрёшься ты никак. – Гнилоквас расстроился, что комедия закончилась не соразмерно купленных билетов и, сам того не замечая, обозвал меня обидным армейским намёком.

Внеплановое разминирование «кухни» привело к тому, что пацаны называли друг друга папуасами, разошлись, как в море поезда и подумали, что история закончилась. Но она только началась. Потому что Миша Гнилоквас применил запрещённый приём ниже пояса в тот момент, когда намекнул на обжорство отважного минёра-противобаночника. В армейской среде слово «парашник» считается очень обидным и требует в отпущения.

– Я ему покажу! – подумала моя голова на счет обидчи-

ка, – Даже если он не захочет смотреть.

Удобную позу для осуществления «показания» долго ждать не пришлось. Миша Гнилоквас являлся отъявленным сладкоежкой, после обеда он полез через бруствер на склон, обращённый к Хисараку. Потому что у Хайретдинова наступила отдыхающая смена, а сахар, разбросанный вертолётчиками по минному полю, долго ждать не будет. Банки с тушёнкой и сгущёнкой подождут, они железные. А сахар не железный. Быстро-пребыстро его оприходуют местные осы и муравьи. Миша знал эту закономерность, поэтому перелез через бруствер и запрыгал по большим валунам через минное поле.

Манёвр Гнилокваса привлёк моё внимание, я отцепил от пулемёта магазин, снял с него нижнюю крышку и вытряхнул на плащ-палатку все патроны. Затем извлёк патрон из патронника, выдернул из него пулю и запыжевал комочком грязной бумаги. Полученный холостой патрон вставил в патронник, закрыл затвор и пристегнул пустой магазин. В таком положении пулемёт ничем не отличался от настоящего заряженного.

Все знают, что оружием баловаться нельзя, и я тоже знал. Но на Зубе Дракона ничего другого не было, как говорится в старинном анекдоте: – «Если бы он не был мальчиком, ему не с чем было бы играть». Такое времяпрепровождение меня не радовало, поэтому я, на всякий случай, ещё раз проверил, чтобы нигде не заваялся боевой патрон и решил восполь-

зоваться пулемётом в развлекательных целях.

Не пытайтесь повторить мой поступок дома, любое баловство с оружием, это, как минимум, плохая примета. А как максимум – кого-то могут понести вперёд ногами. Но я всё проверил, внутри себя перекрестился, как настоящий комсомолец, спрыгнул в траншею Герасимовича и занял позицию к бою. Там перевесил ствол пулемёта через бруствер вниз по склону и навёл на боевого товарища, самозабвенно собиравшего пакетики сахара, разлетевшиеся между скал.

Злым голосом я окликнул Мишу:

– Гнилоквас!

– Шо? – Миша поднялся с карачек. Одной рукой он прижимал к себе собранную добычу. Другой рукой... другой рукой... в общем, удивлённо смотрел на меня снизу-вверх.

– Тебе Комендант говорил не выходить за границы поста?

– Ну-у-у, ну говорил.

– Он тебе говорил, что за это будет расстрел?

– Ну-у-у, ну и это говорил.

– Тогда – не обижайся! – Я громко щёлкнул предохранителем как будто поставил пулемёт в боевое положение. (На самом деле поставил на одиночный огонь. На всякий случай.) Медленно, демонстративно и страшно поднял ствол с бруствера, навёл в Мишу. Ему не видно было, куда я целюсь, понятно лишь, что в него. (На самом деле я целился на сантиметр выше его головы. Тоже, на всякий случай.)

– БАХ! – Выстрелил пулемёт.

У Миши вместе с выстрелом полуоткрылся рот, согнулись ноги в коленях, из-под руки на землю посыпались собранные пакетики сахара.

– Блин, промахнулся, ё-пэ-рэ-сэ-тэ! – Выкрикнул я и демонстративно принялся передёргивать затвор. – Подожди, я сейчас перезаряжусь!

Слово «подожди» Миша воспринял как команду «на старт, внимание, марш!». Он выпучил глаза и метнулся с минного поля вверх по склону. В порыве реализации инстинкта самосохранения, Миша рвал из-под себя землю, перепрыгивал через скалы и совершал полёты, достойные чемпиона мира по бегу с препятствиями. Мой незаряженный пулемёт только клацнул закрывающимся затвором, а Миша уже преодолел пространство минного поля и ввалился на пост через бойницу АГСА.

После сданного им норматива по бегу с препятствиями, мы долго ржали вдвоём и показывали друг на друга пальцами. А потом я проснулся после отдыхающей смены и обнаружил свой пулемёт, стоящим на прикладе в людном, самом видном месте. На стволе боевого оружия красовалась алюминиевая солдатская ложка, привязанная провололочной растяжкой в качестве штыка.

Развлечений на горе Зуб Дракона было немного, поэтому все пацаны гарнизона с нескрываемым удовольствием бежали по территории поста, пересказывали в устной форме приключения, которые устраивают друг другу два закадычных

товарища. Каждый боец считал своим долгом заглянуть к нам на Третью точку и высказать в мой адрес какую-нибудь особо ценную мысль.

– Димон, фу-у-у-у, а ты, оказывается, на самом деле – парашник! – Это была самая вежливая подколка, которую в мой адрес отпустили пацаны. Потому что к пулемёту штык устанавливать не предусмотрено заводом-изготовителем. А мой пулемёт стоял со штыком, да ещё в виде ложки. Чего я только в тот день не наслушался! Как только не обзывали моё оружие! И «харчемёт». И «жрачкомёт». И «фаршемёт». И ещё полдюжины гадских сочинений.

Конечно же, я не догадался какая носатая ехидная «хольская» морда это организовала. Во всяком случае, сделал вид, будто не догадался. А когда пришёл черёд Гнилокваса уснуть в СПСе с открытым ртом в нелепой позе, я взял лопату и выкопал ямку ровно в середине помещения Третьей точки, рядом с доской, подпиравшей маскировочную сеть. Затем разулся, сложил полусапожки в образовавшуюся ямку и замаскировал их песком. После взял Мишины госпитальные тапочки, непредусмотрительно оставленные снаружи СПСа, и прибил гвоздями «стописятками» к доске. Доску положил на песок и присыпал таким образом, будто тапочки стоят на ровном месте просто сами по себе. После я начал терпеливо ждать.

Ждал я долго. До тех пор, пока Манчинский не разбудил Гнилокваса и не сказал, что для него отдыхающая смена «за-

коньчились». Миша выбрался из дыхательного СПСа, зевнул, сладко потянулся, привычным движением сунул ноги в тапочки. В этот момент земля у него поменялась местами с небом, Миша, с поднятыми кверху руками грохнулся носярой вниз, на песок нашего помещения.

Присутствующие дружно заржали, хотя ничего не поняли. Миша приподнялся, встал на карачки, начал водить осоловелыми глазами по ржущим рожам пацанов.

– Что это было? – Молча вопрошало лицо Гнилокваса.

В ответ на немой вопрос пацаны принялись сочинять такие же противные глупости, как про мой «фаршемёт». Кто-то сквозь ржачку выкрикнул, что Миша покатался на горных гвоздelyжах, другой остряк предположил, что Миша сделал тапки на шпильках и отработал строевой шаг на деревянном полу. Орёл заявил, что Миша создал горнострелковые «когти» для лазанья по деревьям. Потом в ход пошли мысли про лазанье «на когтях» по скалам, ледникам и даже по помойкам.

После окончания «спектакля» с тапками на шпильках, пришла моя очередь отдыхать, и я удалился на два часа в СПС. Пока я «ночевал», Миша собрал со всего Зуба Дракона полусапожки с узлами на шнурках и прибил их такими же «стописятками» к ящику, наполненному гранатами. Узлы на шнурках ему понадобились из-за того, что я был раздолбай и вместо того, чтобы зашнуровывать полусапожки, брался за концы шнурков и начинал выпрямлять накачанную об го-

ры ногу. Периодически шнурки рвались, я связывал место обрыва и продолжал тянуть за концы. Миша знал эту мою разгильдяйскую особенность, поэтому собрал со всего Зуба Дракона полусапожки с узлами на шнурках. Для пущей верности. Чтобы не промахнуться.

Два часа для меня пролетели незаметно, Манчинский подал команду «кончай ночевать», я выполнил её и выполз на карачках из СПСа. Миша сидел на снаряжном ящике и потирал от нетерпения ладони.

– Ну, ладно, – подумал я, – пусть потирает. Дым из них не пойдёт, джин из того дыма не вылезет и никаких сказок с добрым концом для Миши сегодня не будет.

С этими мыслями я подполз на карачках к доске, подпирившей масксеть, сел штанами на песок, откопал ямку и вынул из неё полусапожки с узлами на шнурках.

Пока я вытряхивал песок из своей обуви, Миша демонстрировал всем присутствующим как выглядит Разочарование. Нижняя челюсть у него медленно сползла на верхнюю пуговицу гимнастёрки, плечи сжались, ладони вопросительно направились к небу.

– Погоди-погоди, голубок! Сейчас ты покажешь нам как выглядит Ужас! – подумал я, обулся, привычным движением затянул шнурки, влез на большой камень, чтобы громче было, и заорал со всей дури в сторону Первой и Второй Точек:

– Эй, пацаны! У кого Гнилоквас стырил полусапожки – канайте все на «Третий точка». Он сейчас их выдавать будет!

После этих слов Миша изобразил своим лицом УЖАС. В долю секунды, его, с перекошенным хлебалом, сдуло со снарядного ящика. В три прыжка он преодолел поставленные на растяжку гранаты и, сильно пыля, скрылся среди валунов вертолётки.

Плотно вечерело, когда последний прибитый к ящику полусапожек был со скрипом отодран от ящика с гранатами.

– Ананги ски, джальяб! С-с-скаман маймун, Гидраквас! – Прокричал в сторону вертолётки хозяин полусапожка.

Все сразу догадались, что так умеет негодовать лишь Азамат Султанов. И ещё подумали про примерный перевод фразы, выкрикнутой в расстроенных чувствах:

– Вы отрицательный литературный персонаж, дорогой уважаемый Михаил Николаевич! – содержалось в послы изысканной, благородной, интеллигентной речи. Ну, примерно, где-то так. Скорее всего, наверное точно железно.

Вскоре Хайретдинов заревел на половину ущелья Хисарак, чтобы парные посты заступили на ночное дежурство. Соответственно, на Зубе Дракона наступило тёмное время суток.

Под покровом темноты с вертолётки прокрался на «Третий точка» людской силуэт. Когда-то, в босоногом детстве, его звали Миша. Но с вертолётки к нам раз и навсегда вернулся Гидроквас.